

Редьярд Киплинг

№007

*Часть сборника
Индийские рассказы (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

№007

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611379

Аннотация

«Локомотив, после морских машин, самый чувствительный аппарат из всех вышедших из рук человека; а № 007, кроме того, был ещё совершенно новый. Красная краска ещё не совсем высохла на его колёсах, фонарь с рефлектором блестел, словно каска пожарного, а будка машиниста могла бы служить изящной гостиной. Его только что пригнали в депо после испытания. Он простился со своим лучшим другом в мастерской – двигателем. Громадный мир открывался перед ним; остальные локомотивы оглядывали его. Он смотрел на полукруг дерзких, немигающих фонарей, слушал пыхтенье, бормотанье, презрительное, насмешливое шипенье пара в водомерных кранах – и готов был отдать месячную порцию масла, чтобы пробраться сквозь свои собственные движущиеся колёса в кирпичный зольник внизу...»

Содержание

Редьярд Джозеф Киплинг

№ 007

Локомотив, после морских машин, самый чувствительный аппарат из всех вышедших из рук человека; а № 007, кроме того, был ещё совершенно новый. Красная краска ещё не совсем высохла на его колёсах, фонарь с рефлектором блестел, словно каска пожарного, а будка машиниста могла бы служить изящной гостиной. Его только что пригнали в депо после испытания. Он простился со своим лучшим другом в мастерской – двигателем. Громадный мир открывался перед ним; остальные локомотивы оглядывали его. Он смотрел на полукруг дерзких, немигающих фонарей, слушал пыхтение, бормотанье, презрительное, насмешливое шипенье пара в водомерных кранах – и готов был отдать месячную порцию масла, чтобы пробраться сквозь свои собственные движущиеся колёса в кирпичный зольник вниз. № 007 был восьмиколесный «американский» локомотив, несколько отличавшийся от других локомотивов этого типа; по книгам компании он оценивался в десять тысяч долларов. Но если бы вы купили его, по его собственной оценке, через полчаса ожидания в темноватом депо, где гулко раздавалось эхо, вы сохранили бы ровно девять тысяч девятьсот девяносто девять долларов и девяносто восемь центов.

Тяжёлый товарный поезд «Могул», с коротким каукэче-

ром¹ и с топкой на расстоянии трех дюймов от рельсов, первый начал невежливую игру, обратясь к локомотиву системы «Pittsburg Consolidation».

– Откуда принесло этого? – спросил он, сонно выпуская лёгкий пар.

– Я почти ничего не могу рассмотреть, кроме ваших номеров, – послышался ответ. – Предполагаю, что это что-то оставшееся на память от Питера Купера.

007 дрогнул; пар у него подымался, но он удержал язык. Всякий паровоз знает, что это был за локомотив, на котором Питер Купер производил свои опыты в далёких тридцатых годах.

Тут заговорил маленький, заново отделанный служебный локомотив.

– По-моему, что-нибудь неладно на пути, если пенсильванский толкач песка начинает разговаривать о нашем происхождении. Это совсем хороший малютка. Он сделан по чертежу Юстиса так же, как я. А разве этого недостаточно?

007 мог бы увезти служебный локомотив на своём тендере, но он был благодарен и за эти слова утешения.

– Мы не употребляем ручных тележек на пенсильванской, – сказал «Питтсбург». – Эта... гм... горошина достаточно стара и некрасива, чтобы самой говорить за себя.

– С ним ещё не разговаривали. Говорили только про него. Что, в Пенсильвании не обращают, что ли, внимания на хо-

---

¹ Особый прибор для сбрасывания попадающих на пути животных.

рошие манеры? – сказал служебный локомотив.

– Тебе следовало бы быть в парке, «Пони», – строго сказал «Могул». – Мы все здесь паровозы большой тяги.

– Вы так думаете? – сказал маленький локомотив. – Прежде чем настанет утро, узнаете иное. Я был на пути № 17 и груз там – о, Боже мой!

– У меня, в моем отделении было много хлопот, – заметил тощий, лёгкий пригородный локомотив с очень блестящими башмаками тормозов. У нас не успокоились, пока не устроили салон-вагон. Его прицепили сзади, и его тянуть хуже, чем машину для разгребания снега. Наверно, он когда-нибудь оторвётся и тогда будут бранить всех, кроме самих себя, – дураки! В следующий раз они заставят меня везти курьерский поезд.

– Вас изготовили в Нью-Джерсее, не правда ли? – сказал «Пони». – Так я и думал. Невесело таскать товарные поезда и платформы, но должен вам сказать, что они гораздо лучше холодильников или резервуаров с маслом. Я тащил...

– Тащили? Вы-то? – с презрением сказал «Могул». – Вы только и можете, что втащить в парк платформу с припасами. А я, – он остановился, чтобы слова его могли сильнее запечатлеться в сознании слушателей, – я имею дело с грузами большой скорости – одиннадцать вагонов, – тяжелее, чем все, что вам приходилось возить. Я выезжаю, когда бьёт одиннадцать, и должен проходить по тридцать пять миль в час. Все, что ценно, хрупко, непрочное, требует быст-

рой доставки – вот моя работа. Пригородное движение на одну только степень выше передаточного. Товарный экспресс – вот самое главное.

– Ну, я вообще не склонён хвастаться, – сказал «Питтсбург».

– Да? А вас прислали сюда потому, что вы ворчали на подъем, – перебил «Пони».

– Там, где я ворчу, вы легли бы, «Пони», но, как я уже говорил, я не люблю хвастаться. Однако если желаете видеть действительную быстроту доставки груза, вам следует взглянуть на меня, когда я тащу за собой по Аллеганам тридцать семь вагонов с рудой. Тут-то мне приходится показать себя. Хотя я и говорю сам про себя, но я никогда не терял ни одного груза. Да, не терял, сэр. Одно дело уметь тащить за собой вагоны, другое – рассудительность и осторожность. В моем деле нужно уметь рассуждать.

– Ах! Но не парализует ли вас сознание вашей страшной ответственности? – спросил из угла чей-то любопытный, хриплый голос.

– Кто это? – шепнул 007 локомотиву из Джерсея.

– «Компаунд» на испытании. Он ходил служебным в продолжение полугода, когда не был ещё в депо. Он экономен (я лично считаю это подлым) в угле, но навёрстывает на ремонте. Гм! Я полагаю, вы нашли Бостон несколько уединённым после сезона в Нью-Йорке, сударыня? Я чувствую себя всего лучше, когда бываю одна.

Голос «Компаунда» слышался словно из дымовой коробки.

– Верно, – шёпотом сказал непочтительный «Пони». – Здесь никто за нею не ухаживает.

– Но при моем строении и темпераменте – моя работа сосредоточена в Бостоне – я нахожу вашу «outrecuidance».²

– Это ещё что такое? – спросил «Могул». – Цилиндр, что ли, какой? Для меня хороши и простые.

– Может быть, следовало сказать «faroucherie»,³ – прошипел «Компаунд».

– Я не желаю иметь дело с машинами, у которых колёса из папье-маше, – настаивал «Могул».

«Компаунд» снисходительно вздохнул и не сказал ничего больше.

– Придают им всевозможные формы, не так ли? – сказал «Пони». – Таковы все Массачузеты. Они трогаются, а затем останавливаются на полпути, как вкопанные, и сваливают всю вину на то, что с ними обращаются не так, как следует. Между прочим, «Команч» рассказывал мне, что у него в пятницу раскалились втулки. Потому-то и потребовался вспомогательный поезд.

– Если бы я слышал это, стоя в мастерских, с вынутым для починки котлом, и то понял бы, что это одно из тех ложных известий, которые обыкновенно сообщает «Команч». Про-

---

² Дерзость.

³ Дикость.

сто ему прицепили лишний вагон; он упал на подъёме и завизжал. Вот что произошло с ним в действительности. Пришлось послать ему на подмогу № 127. Так он и выдумал, что у него загорелись колёса. Перед тем он говорил, что упал в канаву! Смотрел прямо на меня при свете фонаря и рассказывал мне так хладнокровно, словно резервуар с холодной водой. Расспросите-ка № 127 об этом случае с «Команчем». Он сошёл с рельсов, и № 127 (он был как бешеный от того, что его вызвали в десять часов вечера) взял его и примчал в Бостон в семнадцать минут. Все остальное – чистая ложь. Вот что такое «Команч»!

Тут 007 попался, как кур в ошип, спросив, как это раскаляются втулки у колёс.

– Пусть выкрасят мой колокол в небесно-голубой цвет! – сказал «Пони». – Пусть сделают из меня крошечный локомотив с обшивкой из твёрдого дерева вокруг колёс. Пусть меня сломают и наделают из меня пятицентовых механических игрушек! Вот восьмиколесный «американец», не знающий, что такое разогревание втулок! Может быть, вы никогда не слышали и об автоматическом тормозе? Не знаете, зачем возите домкраты? Вы слишком невинны, чтобы оставить вас одного с вашим собственным тендером. Эх вы, глупая платформа!

Прежде чем кто-нибудь мог ответить, раздался рёв вырвавшегося пара, и у 007 чуть было вся краска не пошла пузырями от огорчения.

– Разогревание втулок, – начал «Компаунд», выбирая слова, словно это были горячие уголья, – есть наказание за поспешность, происходящую от неопытности.

– Это то, что случается, если лететь во весь опор, – сказал пригородный «Джерсей». – Много лет этого уже не бывало со мной. Болезни этой вообще не подвержены локомотивы малой тяги.

– У нас на «Пенсильвании» никогда этого не бывает, – сказал «Питтсбург». – Этой болезнью заражаются в Нью-Йорке, как и нервной протрацией.

– Ах, ступайте к себе на паром, – сказал «Могул». – Вы думаете, что если можете подыматься по худшим дорогам, чем те, которые встречаются на нашем пути, так вы и аллеганский ангел. Ну, а я скажу вам, что вы... Вот мои люди. Я не могу оставаться здесь. Может быть, увижу вас позже.

Он величественно двинулся к поворотной платформе и поплыл, словно корабль по каналу, пока не дошёл до своего пути.

– Что же касается вас, зелёный, вертящийся кофейник (к № 007), – ступайте-ка, научитесь чему-нибудь, прежде чем иметь дело с теми, кто проходил в неделю более миль, чем вы проедете в год. Итак, вперёд!

– Пусть лопнут у меня трубы, если это показывает вежливое отношение к новому члену нашего братства, – сказал «Пони». – Ничто не дало повода к такому обращению с вами. Но о манерах забыли при постройке «Могула». Поддер-

живайте свой огонь, юноша, и выпускайте свой собственный пар. Полагаю, что нас сейчас потребуют.

В депо люди вели оживлённый разговор. Один из них, в грязной фуфайке, говорил, что у него нет лишних локомотивов. Другой, с клочком измятой бумаги в руке, говорил, что начальник приказал ему сказать тому человеку, который говорил с ним, что он (этот другой человек) должен замолчать. Тогда другой человек стал размахивать руками и пожелал узнать, не думают ли, что он держит локомотивы в кармане. Потом появился человек в чёрной одежде аббата, только без воротника, весь в поту, так как стоял жаркий августовский день, и сказал, что то, о чем он говорил, двинулось; под руководством этих трех людей пошли и другие локомотивы – сначала «Компаунд», потом «Питтсбург» и, наконец, 007.

В глубине своей топки 007 таил надежду, что, как только испытание будет закончено, его выведут с пением и приветственными восклицаниями под управлением смелого, благородного машиниста, который погладит его по спине, проследит над ним и назовёт его своим арабским конём (мальчики в мастерской, в которой его строили, читали удивительные рассказы из железнодорожной жизни, и 007 ожидал, что все произойдёт по писаному). Но машинист сказал только:

– Что за странный инжектор приделал Юстис к этой штуке! – И потом, сердито переводя рукоять, крикнул: – Неужели я должен ездить на этой машине!

Человек без воротника отёр пот и ответил, что при на-

стоящем состоянии парка, груза и ещё чего-то придётся пока работать на передаточных путях. 007 храбро пустился в путь, вложив всю свою душу в передний фонарь и испытывая такое нервное состояние, что звук его собственного колокола чуть было не заставил его сойти с рельсов. Фонари раскачивались и приплясывали вниз и вверх, впереди и позади него; а со всех сторон по шести путям, то спускавшимся, то подымавшимся с лязгом и визгом, неслись вагоны – такое количество вагонов, которое и не снилось 007. Тут были вагоны с минеральными маслами, сеном; вагоны, полные мычащих животных, вагоны с рудой и с картофелем, с торчащими посередине дымогарными трубами; вагоны-холодильники, откуда ледяная вода стекала на полотно дороги; фруктовые и молочные вагоны с вентиляцией; открытые вагоны с платформами, наполненными материалом для продажи; открытые вагоны, нагруженные сельскохозяйственными машинами, красными, зелёными, сверкавшими, точно позолоченные, при свете электричества; открытые вагоны с высокими кучами сильно пахнущих кож, с грудями свежих досок, издававших приятный смолистый запах; вагоны с булыжником; вагоны, скрипящие под тяжестью медных, железных деталей в тридцать тонн и ящиков с заклёпками для какого-нибудь нового моста; и сотни, сотни вагонов, нагруженных, запертых и помеченных мелом. Люди – разгорячённые и сердитые – пробирались между тысячами колёс к буферу 007, когда он останавливался на мгновение; люди сидели на его

передке, когда он шёл вперёд, и на тендере, когда возвращался; целые полки людей бегали по крышам вагонов, которые он тянул, завинчивали тормоза, размахивали руками и кричали странные вещи.

Его то подвигали вперёд на один фут, то быстро оттачивали назад на четверть мили (причём его задние движущие колёса сильно стучали и трещали); толкали на переводные стрелки (а эти стрелки очень, очень коротки, грубы и неудобны), направляли то к одному, то к другому вагону и, не давая ему ни малейшего понятия о грузе, который он вёз, снова отправляли в путь. Когда он был на полном ходу, от него вдруг отцепляли три-четыре вагона; 007 делал скачок вперёд и сейчас же, икая, удерживался тормозом. Тогда он ждал несколько минут, смотря на быстро мелькавшие фонари, оглушённый шумом колоколов, ослеплённый видом скользящих мимо вагонов, причём ручка его регулятора, задыхаясь, делала сорок оборотов в минуту; оси передних колёс ложились боком на его каукэчер, словно язык усталой собаки, а сам он весь покрывался золой.

– Не так-то легко работать с тендером, имеющим прямую спинку, – сказал его маленький друг по депо, идя рысью мимо него. – Но вы отлично справляетесь. Видели вы начальника депо? Это величайший человек на свете, запомните это. Когда мы окончим работу? Ну, малютка, все время будет так, и днём, и ночью. Видите вон тот поезд, что движется по четвёртому... нет, по пятому пути отсюда? Это смешанный

груз, который надо будет рассортировать по надлежащим поездам. Для этого-то мы и готовили вагоны.

Тут он сильно подтолкнул один из вагонов, шедший на запад, и отскочил назад, сильно фыркнув от удивления, потому что вагон оказался старым другом.

– Черт побери, да ведь это «Бездомная Кэт»! Ну, Кэт, разве вас никак нельзя отправить назад к вашим друзьям? Ведь на вас найдётся сорок охотников на вашей дороге. Кто владеет вами теперь?

– Желала бы сама знать это, – прохныкала Кэт. – Я принадлежу компании в Топеке, но была в Ваннипеге; была и в Ньюпорт-Ньюз; ездила и вдоль всей старой Атлантики, и в Вест-Пойнт; была и у Буффало. Может быть, подымусь и до Хаверстроу. Я только десять месяцев, как выехала из дома, но очень скучаю по нему, сильно скучаю.

– Попробуйте Чикаго, Кэти, – сказал маленький локомотив, когда поношенный старый вагон стал, покачиваясь, медленно спускаться по полотну. – Я хочу быть в Канзасе, когда зацветут подсолнечники.

– Депо наполнены «Бездомными Кэт» и «Бродячими Вилли», – объяснил локомотив 007-му. – Я знал один старый вагон, который ходил безостановочно семнадцать месяцев; а один из наших ходил пятнадцать, пока нам удалось узнать, где он находится. Не знаю, как это устраивают наши люди. Вероятно, меняются. Во всяком случае, своё дело я сделал. Он теперь на пути в Канзас, *via* Чикаго; но я готов поставить

в заклад все содержимое моего котла, что его задержат там столько времени, сколько будет угодно товарополучателю, а осенью пришлют к нам с пшеницей.

Как раз в эту минуту прошёл локомотив «Питтсбург» во главе двенадцати вагонов.

– Я иду домой, – гордо сказал он.

– Не дотащить тебе всех двенадцати.

– Раздели-ка их пополам! – крикнул «Пони».

Но к последним шести приставили 007, и он чуть не лопнул от удивления, когда заметил, что толкает вагоны к громадному парому. Он никогда ещё не видал глубокой воды и задрожал, когда очутился на расстоянии шести дюймов от чёрного, блестящего залива.

После этого его поспешно отправили в багажное отделение, где он увидел начальника депо, невысокого человека в рубашке, штанах и туфлях, смотревшего на море платформ, на толпу кричащих рабочих и на эскадроны пятившихся, поворачивавшихся, покрытых потом лошадей, из-под копыт которых вылетали искры.

– Это корабельный груз, нагружаемый на платформы, – с благоговением сказал маленький локомотив. – Но ему это все равно. Пусть их ругаются. Он – царь, король, хозяин! Он говорит: «пожалуйста», и все становятся на колени и начинают молиться ему. Надо поднять три-четыре груза, пока он сможет обратить внимание на них. Когда он протягивает руку вот так, значит, случится что-нибудь важное.

Ряд нагруженных вагонов скользнул вниз по полотну, и ряд пустых занял их место. Тюки, плетёные корзины, ящики, кувшины, сосуды с жидкостями, бочонки и узлы полетели из кладовой, словно вагоны были магнитом, а они железными опилками.

– Ки-йя! – крикнул маленький «Пони». – Ну разве это не чудесно?

Рабочий с багровым лицом пробрался сквозь толпу к начальнику и стал размахивать кулаком под самым его носом. Тот даже не поднял глаз от груды лежавших перед ним багажных квитанций. Он слегка согнул палец, и молодой человек в красной рубашке, беззаботно стоявший позади него, ударил рабочего в левое ухо так, что тот, дрожа, со стоном упал на тук сена.

– Одиннадцать, семь, девяносто семь, четырнадцать чего-то, три ещё чего-то, девятнадцать, тринадцать; один, один, четыре; семнадцать, должно быть, двадцать один; и десять, отправляемых на запад. Все верно, кроме двух последних. Выпустить пары на станции. Так, хорошо. Дёрнуть эту верёвку.

Говоривший кроткими голубыми глазами смотрел на кричавших рабочих, на воду, залитую лунным светом, и тихонько напевал сквозь губы:

Все светлое, прекрасное.

Что дышит и живёт,

Все мудрое, чудесное,
Господь все создаёт.

007 вывел вагоны и передал их локомотиву на линии. Никогда в жизни не чувствовал он себя таким слабым.

– Интересно, не правда ли? – сказал «Пони», пыхтя на соседнем пути. – Если бы этот человек попал под наши колёса, то от него осталось бы только красное пятно, а мы и не знали бы, что сделали, – потом, наверху, где пар гудит, так ужасно спокойно...

– Я знаю, – сказал 007. – Я чувствую, как будто потерял свой жар и холодею. Он, действительно, величайший человек на земле...

Они были на далёком северном конце двора, под башней, от которой расходились пути в четыре стороны. Бостонский «Компаунд» должен был тянуть приведённые 007 вагоны до какой-то отдалённой северной станции по неважному полотну и громко сожалел о девяностошестифунтовых рельсах дорог А и Б.

– Вы молоды, вы молоды, – кашляя, говорил он. – Вы не даёте себе отчёта в лежащей на вас ответственности.

– Нет, отдаём, – резко сказал «Пони», – но не изнываем под её тяжестью. – Потом он выпустил пар сбоку, словно выплюнул: – Тащит она груз ценностью не более пятнадцати тысяч долларов, а рассуждает так, как будто он стоит сто тысяч. Извините, сударыня. Вот ваш путь... Ну так и есть, по-

пала не туда, куда следует.

«Компаунд» полз по пути, тянувшемся вдоль длинного откоса, испуская страшные стоны на каждой стрелке и двигаясь, словно корова в метель. В депо наступила короткая пауза после того, как исчезли задние огни поезда; стрелки громко замкнулись, и все, казалось, остановилось в ожидании.

– Теперь я покажу вам кое-что интересное, – сказал «Пони». – Когда «Пурпуровый Император» приходит не вовремя, то, кажется, готова поколебаться сама конституция. Первый удар двенадцати...

«Бум!» – пробили часы на большой башне, и 007 услышал вдали полный, вибрирующий звук: иа-а, иа-а-а. Фонарь с рефлектором заблестел на горизонте, словно звезда, перешёл в ослепительный блеск, а тихая песенка сменилась оглушающей музыкой. Вызывающее восклицание: «Иа-ах, иа-ах!», которым заканчивалась песня, раздалось в полутора милях за депо; но 007 мельком увидел великолепный шестиколесный курьерский локомотив, который вёз раззолоченного «Пурпурового Императора», экспресс миллионеров, шедший на юг, оставляя за собой мили с быстротой, с которой человек состругивает щепки с мягкой доски. Промелькнуло только пятно эмали каштанового цвета, полоса белого электрического света, лившегося из окон вагонов, и сверкнули никелированные перила на задней платформе.

– О-о-о! – сказал 007.

– Семьдесят пять миль в час. Ванны, как я слышал, парикмахерская, библиотека и все остальное. Да, сэр; семьдесят пять в час! Но в депо он будет разговаривать с вами совершенно так же демократично, как я. А я... чтобы черт побрал устройство моих колёс!.. Я слетел бы с рельсов, если бы шёл половинным его ходом. Он хозяин нашего парка. Чистится у нас. Я представлю вас ему как-нибудь на днях. С ним стоит познакомиться. Немногие могут петь такую песню, как он.

007 был слишком взволнован и не ответил. Он не слышал бешеных звонков телефона в башке, не слышал, как кто-то крикнул его машинисту:

– Готов пар?

– Достаточно для того, чтобы уйти за сто миль отсюда! – сказал машинист, который терпеть не мог подъездных путей.

– Ну, так пускайте! Поезд большой скорости опрокинулся в сорока милях отсюда. Пострадавших нет, но оба пути заняты. К счастью, здесь есть запасной поезд и краны для поднятия тяжестей. Рабочие будут здесь через минуту. Поторопитесь.

– Но я с удовольствием сбросил бы с себя весь этот груз, – сказал «Пони», когда 007 с шумом отодвинулся к угрюмому на вид и грязному вагону, наполненному инструментами; за ним шли платформы с разными приспособлениями.

– Всякому своя судьба; но вам посчастливилось, малютка. Старайтесь не шуметь. Ваш колёсный ход удобен для этого пути, а изгибы тут ничтожные. Ах да! «Команч» говорил,

что тут, на участке, есть одно место, где вас может тряхнуть немного. В пятнадцати с половиною милях за подъёмом, у переезда Джэксон. Вы узнаете его по дому фермера, ветряной мельнице и пяти клёнам во дворе. Мельница находится на западе от кленов. А посреди этого участка есть восьмидесятифутовый железный мост без предохранительных перил. Увидимся позже. Желаю счастья.

007 не успел опомниться, как уже летел по полотну в безмолвный, тёмный мир. Тут его одолели ночные страхи. Он вспомнил все, что слышал об обвалах, о гудах камней, смытых дождём, о вырванных ветром деревьях, заблудившемся скоте; припомнил все, что говорил «бостонский компаунд» о лежащей на них ответственности, и ещё многое, кроме того, что выдумывал уже сам. Сильно дрожащим голосом свистнул он в первый раз на переезде (целое событие в жизни локомотива); вид взбесившейся лошади и человека с бледным лицом в кабриолете, менее чем в ярде справа, не способствовал успокоению нервов. Он был уверен, что соскочит с рельсов; чувствовал, как ролики его колёс подымались по рельсам на каждом изгибе; думал, что при первом же подъёме свалится так же, как свалился «Команч». Он спустился к переезду Джэксон, увидел ветряную мельницу к западу от кленов, почувствовал, как прыгали под ним плохо проложенные шпалы, и крупные капли пота проступили по всему его котлу. При каждом сильном толчке он думал, что сломалась ось; а по восьмидесятифутовому мосту он пробрался, слов-

но преследуемая кем-нибудь кошка по верху забора. Потом мокрый лист прилип к стеклу его переднего фонаря и бросал мимолётную тень на полотно; 007 подумал, что это какое-нибудь пляшущее животное; наверно, мягкое, а все мягкое, падающее под локомотив, пугает его так же, как и слона. Но сидевшие сзади люди казались спокойными. Они беззаботно перелезали с парового колпака на тендер; шутили с машинистом, который слышал их шаги среди угля, и напевали.

– А ведь Юстис знал, что делал, когда строил эту игрушку. Она – молодчина. К тому же новая.

– Да, новая!.. Это не краска. Это...

Жгучая боль пронзила заднее правое движущее колесо 007 – острая, нестерпимая боль.

– Вот оно, – сказал он, – это и есть разогревание втулки. Теперь я знаю, что это значит. Я думаю, развалюсь на куски. И в первую же мою поездку!

– Не слишком ли разгорячён котёл? – осмелился сказать кочегар.

– Продержится, сколько нужно. Мы почти на месте. Знаете, молодцы, ступайте-ка лучше в свой вагон, – сказал машинист, положив руку на ручку рычага. – Я видел, как сбрасывало людей...

Рабочие убежали со смехом. Им вовсе не хотелось быть сброшенными на полотно. Машинист чуть не вывихнул себе руки, и 007 почувствовал, что колёса его словно приросли к рельсам.

– Вот оно! – сказал 007, громко вскрикнув, и скользнул, словно на полозьях. Одно мгновение ему показалось, что он соскочил с рельсов.

– Это, должно быть, автоматический тормоз, о котором говорил «Пони», – задыхаясь, проговорил он, как только немного пришёл в себя. – Разогреваньё!.. Автоматический тормоз... И то, и другое больно; но зато теперь я могу поговорить об этом в депо.

Пройдя несколько футов, он остановился, шипя, разгорячённый. Машинист стоял на коленях среди его колёс, но он не называл 007-го своим «арабским конём», не плакал над ним, как это делают машинисты в газетах. Он только ругал 007, вытаскивая целые ярды обуглившегося хлопка из-под осей и выражая надежду поймать в один прекрасный день идиота, который положил их туда. Никто его не слушал, потому что Эванс, машинист «Могула», с лёгким ушибом головы и очень рассерженный, показывал при свете фонаря изувеченный труп чахлой свиньи.

– Даже не свинья приличных размеров, – говорил он. – Просто поросёнок.

– Это самые опасные животные, – сказал один из рабочих. – Попадают под машину и опрокидывают её с полотна, не правда ли?

– Не правда ли? – прогремел Эванс, рыжий валлиец. – Вы говорите так, как будто свиньи каждый Божий день опрокидывают меня. Я вовсе не в дружбе со всеми полуголодными

поросятами нью-йоркского штата. Вовсе нет. Да, это он!.. И взгляните, что он наделал!

Немало работы задал им заблудившийся поросёнок. Груз скорого поезда, по-видимому, разлетелся во все стороны, потому что «Могул» приподнялся на рельсах и отбежал по диагонали на расстояние нескольких сот футов справа налево, увезя с собой те вагоны, которые согласились последовать за ним. Некоторые не сделали этого. Они сломали свои колёса и легли, а задние вагоны скакали через них. В этой игре они вспахали и уничтожили большую часть полотна. Сам «Могул» «въехал в поле и стал там на колени; фантастические зеленые венки обвилились вокруг его рукояток; остов покрылся толстыми комками земли, на которых раскачивались, словно пьяные, колосья; огонь его был потушен грязью (это сделал Эванс, как только пришёл в себя), а сломанный фонарь был наполовину наполнен полусгоревшими мотыльками. Тендер выбросил на него уголья, и он имел неприличный вид буйвола, пытавшегося забрести в склад угля.

Повсюду валялись различные предметы, вылетевшие из сломанных вагонов: пишущие и швейные машины, партия заграничной серебряной упряжи, французские дамские платья и перчатки, солидная медная кровать, ящик с телескопами и микроскопами, два гроба, ящик с чудесными конфетами, молочные продукты в сосудах с золотыми этикетками, масло и яйца, превратившиеся в яичницу, сломанный ящик с дорогими игрушками и несколько сотен других предметов

роскоши. Неизвестно откуда появившиеся бродяги великодушно предложили свои услуги поездному персоналу. Рабочие у тормоза, вооружённые шкворнями, расхаживали взад и вперёд с одной стороны, а благостный кондуктор и машинист, заложив руки в карманы, ходили с другой. Какой-то длиннородый человек вышел из дома, стоявшего позади поля, и сказал Эвансу, что, если бы этот случай произошёл несколько позже, весь его хлеб сгорел бы, и обвинял Эванса в небрежности. Потом он убежал, так как Эванс бросился на него, громко крича:

– Это сделала его свинья – его свинья сделала это! Пустите, я убью его! Дайте мне убить его!

Тут рабочие рассмеялись; а фермер высунул голову из окна и сказал, что Эванс не джентльмен.

007 держал себя очень скромно. Он никогда не видал крушения, и оно испугало его. Рабочие хотя и смеялись, но работали усердно, и 007 забыл свой ужас, сменившийся изумлением при их обращении с товарным могульским поездом. Они вскопали землю вокруг него лопатами; подвели шпалы к его колёсам и домкраты под его корпус; они обвили его цепями и щекотали ломami. К потерпевшим крушение вагонам прицепили 007 и давали ему задний ход до тех пор, пока вагоны не очищали путь. До рассвета тридцать или сорок человек были заняты укладкой и забиванием шпал, клёпкой рельсов. Когда наступило утро, все вагоны, которые были в состоянии двигаться, ушли с помощью другого локомоти-

ва; путь был очищен для движения, а 007 протащил старого «Могула» по небольшому пространству шпал, дюйм за дюймом до тех пор, пока валики его колёс не стали снова ударять по рельсам и он с шумом стал на своё место. Дух «Могула» был угнетён, и бодрое настроение пропало.

– Это не была даже свинья, – печально повторял он, – а только поросёнок; и именно вам пришлось помогать мне!

– Но как это случилось? – сгорая от любопытства, спросил 007.

– Случилось! Как случилось! Я прямо наехал на него, миная последний изгиб, – думал, что это хорёк. Да, он был такой маленький. Он даже не взвизгнул, как вдруг я почувствовал, что приподымаюсь (он скатился как раз под передок), и я никак не мог попасть на рельсы. Потом я почувствовал, как он, весь в грязи, бросился под мой левый цилиндр и – о, паровые котлы! – я съехал с рельсов. Я чувствовал, как ободья моих колёс стучали по шпалам, а затем я очутился в хлебах; тендер вытряхивал уголь через мой колпак, а старик Эванс лежал неподвижно в крови, передо мной. Трясся ли я? Во мне нет ни одной стойки, ни одного болта, ни одной заклёпки, которые не соскочили бы со своего места.

– Гм! – сказал 007. – Сколько, полагаете, вы весите?

– Без этих комьев грязи во мне сто тысяч фунтов.

– А в поросёнке?

– Восемьдесят. Говорят, будто сто. Стоит он около четырех с половиной долларов. Ну, не ужасно ли? Право, можно

впасть в нервную прострацию... Разве это не потрясающе? Я только что обогнул этот изгиб...

И «Могул» снова повторил весь рассказ, потому что был очень сильно потрясён.

– Ну, я думаю, это обычное явление, – успокаивающе сказал 007... – а... а упасть в поле, я думаю, мягко.

– Будь это шестидесятифутовый мост и свались я в глубокую воду, взорвись я и убей обоих людей, как это сделают другие, я не огорчился бы; но чтобы меня опрокинул поросёнок в хлеба и вы помогли бы мне, а старый пахарь в ночной рубашке ругал меня, как больную клячу!.. О, это ужасно! Не зовите меня «Могулом»! Я швейная машина.

007 с остывшей топкой и сильно увеличившейся опытностью медленно притащил могульский товарный поезд в депо.

– Эй, старик! Целую ночь был в пути? – сказал неугомонный «Пони», только что вернувшийся со службы. – Ну, скажу вам, это видно сразу. Ценное, хрупкое, таков, вы говорили, ваш груз! Отправляйтесь-ка в мастерские, да снимите с себя ваши лавры. Там вас починят.

– Оставьте его в покое, «Пони», – строго сказал 007, которого поставили на поворотную платформу, – или я...

– Не знал, что старина ваш задушевный друг, малютка. В последний раз, что я видел его, он не был очень вежлив с вами.

– Я знаю; но с тех пор я видел крушение, и краска чуть было не сошла с меня. Я никогда – пока у меня хватит пара

– не буду насмехаться над новичками, не знающими дела и старающимися изучить его. Не буду я насмехаться и над старым «Могулом», хотя и нашёл его увенчанным колосьями. Весь переполох произвёл маленький поросёнок – не свинья, а только поросёнок, «Пони», – не более куска антрацита. Я видел его. Я полагаю, всякий может быть опрокинут.

– Значит, уже поняли это? Ну, хорошее начало.

Слова эти произнёс «Пурпуровый Император», который стоял, ожидая чистки, чтобы на завтра отправиться в путь.

– Позвольте мне познакомить вас, джентльмены, – сказал «Пони». – Это наш «Пурпуровый Император», малютка, которым вы восхищались и, могу сказать, которому завидовали сегодня ночью. Это новый брат, уважаемый сэр, перед которым ещё много миль пути, но, как товарищ, я отвечаю за него.

– Счастлив встретиться с вами, – сказал «Пурпуровый Император», окидывая взглядом полное локомотивов депо. – Полагаю, что здесь нас достаточно для того, чтобы составить митинг. Гм! Властью, которою я облечён, как Глава Дороги, объявляю 007 пользующимся всеми правами и признанным Братом Соединённого Братства Локомотивов и, как такового, могущим пользоваться всеми привилегиями мастерской, стрелок, полотна, водохранилища и депо, насколько простирается моя юрисдикция, как имеющего степень главного бегуна; до меня дошли хорошо известные и лестные отзывы о том, что этот брат наш покрыл сорок одну милю в тридцать

девять с половиною минут, спеша на подвиг милосердия, на помощь несчастным. Когда придёт время, я сам сообщу вам нашу песню и наш сигнал, сигнал, по которому вас можно будет различить в самую тёмную ночь. Займите своё место среди локомотивов, новый брат!

* * *

В настоящее время, в самую тёмную ночь, как и говорил «Пурпуровый Император», если стоять на мосту на багажном дворе в 2 ч 30 м пополуночи, и смотреть на расходящиеся в четыре стороны пути в то время, как «Белый Мотылёк», взяв излишек от «Пурпурового Императора», летит к югу со своими семью вагонами цвета «крэм», можно слышать вдали звуки, похожие на низкие ноты виолончели:

Стучи, скрипи, визжи – Иа-ах, Иа-ах, Иа-ах,
Ein, zwei, drei, Mutter – Иа-ах, Иа-ах, Иа-ах
Все выше катится,
И весь народ сумятится.
Стучит, скрипит, визжит – Иа-ах, Иа-ах, Иа-ах.

Это 007 покрывает свои сто пятьдесят шесть миль в двести двадцать одну минуту, выстукивая свою песню-сигнал, сообщённый ему «Пурпуровым Императором».